

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Самситдинов И.З. — Развитие теоретико-методологических подходов к исследованию социальной мобильности в зарубежной социологии: краткий обзор // Социодинамика. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.6.43414 EDN: UBBCHS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43414

Развитие теоретико-методологических подходов к исследованию социальной мобильности в зарубежной социологии: краткий обзор

Самситдинов Ильнур Закиевич

сотрудник, Министерство внутренних дел Республики Башкортостан
450000, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Ленина, 7, оф. 1

✉ ilfat_samsitdino@mail.ru

[Статья из рубрики "Социальные исследования и мониторинг"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2023.6.43414

EDN:

UBBCHS

Дата направления статьи в редакцию:

23-06-2023

Аннотация: В современном трансформирующемся обществе вопросы, связанные с социальной мобильностью населения, остаются достаточно актуальными, чтобы продолжить изучение данного феномена. Как и в прошлом веке, активно исследуются различные аспекты социальной мобильности, особенно с изменением социально-политической обстановки в стране и в мире в целом. Целью данной работы является выявление теоретических и методологических основ исследования социальной мобильности населения в зарубежной социологии. Для достижения поставленных задач были изучены основные подходы зарубежных исследователей к проблеме социальной мобильности, рассмотрены историографические и хрестоматийные материалы по данной тематике. В качестве методологической основы исследования были выбраны структурно-функциональный, аксиологический, деятельностные подходы, использованы описательный метод и метод научного анализа. Исследовано становление основных подходов к изучению социальной мобильности населения в трудах ведущих зарубежных исследователей, проанализированы основания их возникновения и перспективы дальнейшего развития. Обзор подходов советских и российских исследователей по

данной проблематике планируем представить в отдельной статье. Таким образом, мы пришли к выводу, что проблемы социальной мобильности населения особенно актуальны сегодня, когда идет стремительная информатизация общества, бурно развивается цифровая экономика. Различные трансформационные процессы по-разному влияют на масштабы социальной мобильности населения, каждая эпоха содержит особенности проявления этого феномена и требует отдельного исследования учитывая все разнообразные аспекты.

Ключевые слова:

социальная мобильность, индустриализация, трансформация общества, институционализация, ценностные ориентации, экономический потенциал, социальная группа, социальная структура, профессиональная мобильность, интересы

Как известно, понятие социальной мобильности получает свое распространение в первой половине XX века в связи с работами известного американского социолога российского происхождения П. А. Сорокина. Первоначально в его работах мобильность рассматривалась как вспомогательный понятийный инструмент для анализа глобальных социальных процессов. Благодаря этому понятию ему удалось раскрыть механизм процесса постепенного перерождения традиционного общества в общество современное, который сопровождался глубокими изменениями в профессиональной и социальной структуре социума.

П. А. Сорокину принадлежит также первая попытка определить основные типы социальных передвижений [\[1, с. 373\]](#). Он считал, что существует только два таких типа: горизонтальная и вертикальная мобильность. Под горизонтальной мобильностью или сдвигом понимается переход индивида или социального объекта от одной социальной группы к другой, расположенной на том же уровне. Данное определение горизонтальной мобильности, по сути дела, приравнивает для определения социальных изменений значимость, как ценностей, так и субъектов социальной жизни.

Однако подобный подход породил определенные теоретические и методологические сложности. Дело в том, что люди и ценности являются все же не одно порядковыми понятиями и играют разную роль в жизни общества. Перемещения людей действительно может носить горизонтальный характер, что достаточно легко и очевидно иллюстрируется примерами из жизни или историческими событиями. Идеи и ценности при перемещениях непредсказуемо меняются и чаще всего по вертикали, либо они прогрессируют, либо деградируют. Данная сложность оказалась слишком трудной для ее принятия исследователями, и поэтому в поле изучения социологов остались только индивиды и социальные группы.

В данной работе были проанализированы основные направления зарубежных исследований к проблеме социальной мобильности населения, рассмотрены историографические и хрестоматийные материалы. В качестве методологической основы были выбраны следующие подходы: структурно-функциональный позволяющий выделить содержание и особенности разных точек зрения; аксиологический для выделения роли ценностей в ходе социальных перемещений в обществе; деятельностный – позволяющий изучить различные каналы и действия населения в аспекте социальной мобильности. Использованы описательный метод и метод научного анализа.

Сорокин П. подчеркивал, что для определения групповой мобильности важно учитывать тот факт, что социальные различия имеют разную степень важности и зависят от общего социального контекста. Неопределенность, которой может быть охвачено общество в силу конкретно сложившихся материальных и идеологических обстоятельств, может спровоцировать самые неожиданные варианты социальных потоков, выводя на первый план различные типы мобильности. В этой связи очевидно, что необычное возвышение или понижение статуса тех или иных социальных групп в обществе указывает на то, что в обществе произошли качественно новые трансформационные изменения. Например, в эпоху революционных преобразований 1917 года в России, кардинальные изменения потрясли сразу две социальные группы: большевики возвысились по социальной лестнице, а, например, православная церковь понизилась на самую низшую ступень. Этот факт получает точное объяснение тем, что произошло изменение в ценностной системе общества. Их несовместимость и породила случившийся сдвиг в социальной структуре общества. Данный пример с точки зрения современной общественной науки выглядит достаточно простым. Однако подобное упрощение для исследователя чрезвычайно необходимо, чтобы выделить в чистоте «идеальный тип», который станет методологическим принципом рассмотрения и анализа сложных и многообразных явлений, таких, например, какими являются социальные процессы.

Упрощенная методология анализа мобильности была нужна Сорокину П., прежде всего, для того, чтобы обосновать концепцию двух обществ – мобильного и иммобильного. Зависимость мобильности от множества конкретных обстоятельств, социальных признаков и факторов детерминации усложняли задачу дать универсальное определение мобильности. Здесь мы согласны с мнением Сорокина, что мобильность – способность индивида и социальной группы к переменам и перемещениям в обществе, непрерывно меняющаяся специфическая характеристика движения в общественном организме, благодаря которой (при наличии которой) каждый элемент его организации (каждый индивид или социальная группа) получает возможность занять максимально эффективное место в общественной системе, обеспечивая его оптимальное функционирование и развитие. Как отмечал сам Сорокин П.: «В конечном итоге историю делают люди. Люди, занимающие положение, которому они не соответствуют, запросто могут уничтожить общество, но они не могут создать ничего ценного, и наоборот» [\[2, с. 194\]](#).

Новое качество индустриального общества значительно повысило уровень социальной мобильности. С. Липсет и Р. Бендикс в связи с этим отмечали, что масштабная социальная мобильность характеризует процесс индустриализации и представляет собой важнейшую характеристику современного индустриального общества. В каждой индустриальной стране значительная часть населения вынуждена определять для себя профессии, отличные от профессий своих отцов или матерей [\[3, p. 13\]](#).

Позже С. Липсет совместно с известным шведским социологом, специалистом в области изучения общественных процессов и публицистом Г. Зеттербергом [\[4\]](#) исследовали людей разных поколений в десяти странах, обратив особое внимание на процесс перемещения мужчин от физического труда к труду умственному. Выводы, которые были сделаны, по изученным странам показали, что коэффициенты мобильности в промышленных странах примерно одинаковы. Однако авторы обратили внимание не только на позитивные следствия изучаемой мобильности, но и на негативные: случаи отчуждения от привычных социальных групп; сложные и тягостные психологические переживания, сопровождающие мобильность, так как перемещения часто являются только частичными,

а повышение статуса происходит лишь в узкой области - профессиональной, экономической или политической, и т.д. Но выводы, которые были сделаны в этих исследованиях были в дальнейшем подвергнуты критике Д. Голдторпом [5, с. 1-37]. Недостатком (во многом объективным) этих исследований было то, что они не смогли подняться до масштабной информации о подвижности социально-профессиональной структуры. Они значимо зафиксировали перемещения от труда физического к труду умственному, из фермерства в промышленность, от труда исполнительного к труду управленческому. Бурное развитие технико-технологического базиса общества перестало стимулировать увеличение рабочих мест в промышленности, наоборот появились противоположные тенденции, которые невозможно было эффективно объяснить посредством теории индустриального общества.

Дальнейшие исследования социальной мобильности были связаны с именами таких социологов, как П. Блау, Л. Гудман, О. Д. Данкен, Д. Трейман и другие [6]. Основной упор в их исследованиях был сделан на изучении профессиональной и образовательной, межпоколенной и внутримоколенной мобильностей, но с новым арсеналом статистических методов: нелинейным анализом и множественным регрессионным анализом, что позволило выявить более сложные закономерности и наиболее тонкие тенденции. Несмотря на то, что был проведен тщательный анализ направленности межпоколенной и внутримоколенной профессиональной мобильности, недостатком исследований являлось то, что не были изучены политическая мобильность, соотношение социальной мобильности и образа жизни людей, социально-психологические факторы мобильности, а также культурологические влияния. В частности, культурологическая трактовка мобильности в западных исследованиях получает в дальнейшем основополагающее значение.

Среди работающих в данном ключе западных исследователей наибольшую известность получили работы Д. Голдторпа и Р. Эриксона [7]. Социальная мобильность рассматривается ими с двух точек зрения: с одной стороны, для увеличения мобильности необходимо добиваться большей открытости общества, а с другой стороны, возможность добиться открытости зависит от того, какая форма социальной мобильности существует в данном обществе на данный момент, насколько она соответствует идеалам открытости.

Исследования западных ученых ярко показали зависимость социальной мобильности населения от уровня научно-технического развития общества. Индустриальное развитие, меняющее облик всего общества в целом и готовящее предпосылки для скачка в постиндустриальную эпоху, качественно меняет глобальную фигуру капиталистической социальной структуры - рабочий класс. Независимо от всех других последствий (позитивных и негативных), мощное развитие вперед мира капитала, сопровождающееся научно-технической модернизацией и революцией, меняет прежние каналы мобильности.

Институционализация социальных отношений в производственной сфере, выраженная в регламентации процесса заключения коллективных договоров, в механизмах посредничества и арбитража, стимулирует одновременно и осознание противоположности интересов, как у наемных работников, так и у предпринимателей, и понимание того факта, что эта противоположность не является абсолютной и всепроникающей. Сходные процессы стали наблюдаться и в отношениях между полами. Включение большинства женщин в общественное производство, рост их социальной и политической активности, преодоление разрыва в уровне образования между мужчинами и женщинами способствовали ограничению сферы действия самоидентификации по признаку пола. Изменения произошли и в институте семьи.

Характерная черта семей среднего класса заключается в том, что в них стараются внушить детям представление о наиболее перспективных и прагматических профессиях, подталкивая их к соответствующим этим профессиям образованию. В таких семьях также проводится идея о преуспевающем человеке, добывающего всего своим собственным трудом. Кроме того, используется и демографический фактор, например, такой как поощрение семей с меньшим числом детей. В таких семьях также повышаются социальные возможности для успешной реализации социально-профессиональной карьеры детей.

Современные индустриальные общества тяготеют быть открытыми, в них реализуются максимально потенциал для высокой мобильности, а статус индивида зависит больше от его собственных способностей и достижений, чем от его контактов, протекции и происхождения [\[8, с. 36-37\]](#). Более глубоко изменения в социальной мобильности произошли в США, где процессы интернационализации значительно слабее сказывались на повседневной жизни среднего американца, чем на образе жизни западноевропейцев. Этническое самосознание, присущее потомкам иммигрантов из различных стран, в новых условиях жизни и деятельности на новом континенте, с новыми правилами игры, подверглось значительной эрозии. Этому способствовал и статус лидера, который США после второй мировой войны приобрели едва ли не во всех сферах общественной жизни, важных для среднего американца, обеспечивал самоидентификации «мы - американцы» весьма существенное и стабильное место в сознании.

В первой половине XX века принадлежность к тому или иному этнокультурному анклаву оказывала гораздо более существенное влияние на мировосприятие, образ жизни, выбор профессии, политические симпатии и антипатии американца, чем в послевоенный период. Процесс релятивизации практически всех групповых ориентаций, обеспечивавших людей относительно целостными блоками норм, ценностей, ожиданий, стереотипов мышления, поведения и, тем самым, изначально ограничивавших свободу их воли, препятствовавших развитию и реализации личностного начала, стимулировался резко ускорившейся после второй мировой войны урбанизацией, ростом образовательного и культурного уровня широких слоев населения, становлением современных средств массовой информации, экспансией массовой культуры, всей совокупностью социальных изменений, порожденных технологической революцией. Переселение в крупный город из небольшого населенного пункта, где общность социального опыта, традиций и обычаев, авторитетов и источников информации, условий и институтов социализации, ограниченность круга доступных профессий, возможностей повышения социального статуса, санкционированных общественным мнением форм социально-политической активности предопределяют относительную устойчивость и тотальность реализуемых в повседневном межличностном общении социальных связей – такое переселение повышает степень автономии индивида по отношению к локальной общности. Относительно гетерогенные в социокультурном отношении общности, складывающиеся в городских или пригородных районах, являются, как правило, значительно менее консолидированными и замкнутыми. Возросшая продолжительность обучения в средних учебных заведениях и особенно бурный рост и демократизация системы высшего образования способствуют уменьшению роли семьи, а также всей совокупности факторов, связанных с социальным происхождением, в процессе социализации, размыванию психологических барьеров между различными социальными слоями и субкультурами.

Трансформация социальной структуры общества проявлялась в едва ли не во всех сферах общественной жизни после второй мировой войны. В США этот процесс

развивался значительно более динамично и органично, нежели в Европе. Это было связано с тем, что общество консолидировалось на основе американского национального самосознания. А оно изначально функционировало в социальной структуре гетерогенного в этническом, религиозном и культурном отношении американского общества как исключительно мощный фактор интеграции и ослабления каналов препятствующих социальной мобильности. Большое влияние на формирование новой парадигмы социальной мобильности оказал процесс трансформации ценностных ориентаций широких слоев населения, генетически связанный с молодежными движениями протеста, которые породили свою собственную контркультуру. По определению американского социолога Р. Инглхарта это была так называемая «тихая революция», так как эти изменения мало кем были замечены, а тем более осознаваемы [\[9, с. 140\]](#).

Тенденции к размыванию границ между различными социальными группами и субкультурами, к повышению социальной, территориальной, профессиональной мобильности населения, расширение многогранной деятельности государства, направленной на обеспечение равенства возможностей, предоставляли простому человеку беспрецедентную свободу выбора едва ли не во всех сферах жизнедеятельности. Релятивизация классовых, этнических, конфессиональных, «региональных» и иных групповых ориентаций и соответственно эрозия лояльности индивида по отношению к ценностям, традициям, предписаниям соответствующих общностей порождала у него ощущение – частично обоснованное, но во многом и иллюзорное – обретенной психологической независимости. И лишь со времени молодежных выступлений протеста значительная и возрастающая часть населения стран запада стала воспринимать унифицированные социальные нормы, продуцируемые государством (властью), а также и сами общественные отношения, легитимизированные этими нормами, общепринятые стереотипы мышления и поведения, критерии успеха и т.д. как препятствия на пути обретения личностного смысла жизнедеятельности. Развитие этой тенденции и органически связанное с ней распространение новых ценностей было, в конечном счете, обусловлено интенсивным ростом как материальных, так и духовных потребностей масс, социализацией новых, более требовательных социальных групп, изначально ориентированных на относительно свободный поиск форм и способов самореализации в широком спектре обещанных каждому государством возможностей. Все это привело к существенному снижению иерархичности социальной структуры общества и резкому повышению среднего уровня личностной автономии. Степень лояльности индивида по отношению к нормам и предписаниям, санкционированным какой-либо общностью, включая государство, заметно снизилась, и это привело к смягчению предписаний. В результате этого массовое сознание стало допускать беспрецедентное многообразие форм и способов личностной самореализации в самых различных сферах жизнедеятельности, чему способствовали и кардинальные изменения в каналах социальной мобильности.

Итак, анализ процессов индустриализации на уровне социально-психологических явлений в процессе развития западного общества показал, что ограниченность и изолированность рабочего класса в капиталистических государствах этого региона существенно изменила их мобильность. Представители данного класса получили возможность социально-профессиональных перемещений. Требования, накладываемые на рабочих со стороны новых технико-технологических систем, обусловили необходимость повышения их образовательного уровня, который повысил их образовательный потенциал. Повышение образовательного уровня является прямым фактором увеличения профессиональной и социальной мобильности. Более того,

трансформация социально-психологической структуры общества изменила характер взаимодействия между социальными группами и индивидами практически во всех общественных отношениях социума: отношениях между полами, между этническими и расовыми группами, между классами, между религиозными конфессиями. Закрытость, сплоченность, предубеждение, проявляющиеся внутри социальной группы и закрепленные в общепринятых нормах, препятствовали развитию социальной мобильности, объективные предпосылки которой назрели. Открытость, ориентация на индивидуальную самоактуализацию, отсутствие навязанной идеологии со стороны традиционных властных институтов общества открыли дорогу для свободных перемещений между элементами системы социума.

Также нужно отметить, что если мобильность как перемещение изучается достаточно интенсивно и широко, то мобильность как способность и готовность к ней являются менее изученной темой. При этом мобильность как способность предполагает два различных ракурса рассмотрения: мобильность как способность, обеспечиваемая генетически (биологически) человеческим видом и мобильность как способность, которая осознается человеком и, являясь феноменом сознания, находится под влиянием социально-психологических факторов. То есть если с точки зрения первого аспекта все люди в равной степени обладают возможностями мобильности, то с точки зрения второго аспекта некоторые люди для себя полностью исключают возможность мобильного поведения, и в этом случае им даже в голову не приходит, что они могли бы быть мобильными.

Совсем иначе обстоит дела с Европой, история которой изобилует социальными конфликтами по поводу неравенства. В этой связи следует также отметить, что бельгийский историк А. Пиренн [\[10\]](#) и французский историк Л. Февр [\[11\]](#) в своих трудах затронули тему смены капиталистических династий. Они доказали, что новое поколение капиталистов, появляющееся на стыке двух эпох, никогда не бывает сыновьями, наследниками и прямыми преемниками капиталистов предшествующего периода.

То есть, высокомобильные индивиды в целом в большей степени склонны быть участниками социальных движений. Кроме того, проявлению мобильности могут препятствовать ценности – как базисные жизненные нормативные установки личности. Учитывая устойчивый характер ценностей, а также то, что они представляют собой долгосрочную программу, регулирующую человеческое поведение, то они могут стать фактором, тормозящим при принятии решения, направленного на изменение положения индивида, и т.д. В этом смысле понятие мобильности является противоположным по значению и роли понятию ценности. Мобильность есть способность к переменам, изменениям, адаптации, активности, отказу от привычного, традиционного. Ценность есть норма, принятая человеком в отношении своего будущего поведения и предназначенная ограничивать, корректировать действия. Вместе с тем, мы не можем представить человека без ценностей, так как ценности есть атрибутивное качество человеческой сущности. Если даже он их не осознает, человек бессознательно их принимает. Кроме того, содержанием ценности могут быть атрибутивные признаки мобильности. И тогда происходит совпадение значения этих понятий.

В тоже время, если мобильность становится важнейшей актуальной чертой человеческой сущности и если ее признаки закрепляются в базисных ценностях индивида, то мобильность переходит из разряда вынужденно принятой, навязанной извне (объективными детерминантами) черты человека в разряд естественно существующей, совпадающей со свободно принятыми решениями личности.

Отдельного внимания заслуживают исследования венгерских социологов Ю. Вениге, Е. Йожа, Л. Дьетвай, которые исследовали особенности влияния образовательных процессов на профессиональную мобильность [\[12\]](#). В тоже время такие ученые Бертил Оскарсон, Саймон Шо, связывали формирование профессиональной мобильности специалиста с наличием у него базовых навыков [\[13\]](#).

Итак, с одной стороны мы можем констатировать, что социальная мобильность как перемещения, осуществляющиеся в социуме, регулируется принятыми в обществе нормами. Эти нормы закрепляются для своего воспроизводства и эффективного действия в виде социальных институтов. Таким образом, институционализация есть создание организаций и учреждений, которые создают нормы, их, развивают, закрепляют и обеспечивают условия для их функционирования. В этом случае можно говорить об институционализированных каналах социальной мобильности. Однако успешное функционирование и развитие общества невозможно без появления неинституционализированных каналов мобильности. Тогда институционализированные каналы социальной мобильности следует определять в качестве закреплённых социальных норм, которые соответствуют законам общества, одобряются им и признаются легитимными. При этом любое общество испытывает периоды стабильного и нестабильного функционирования, которые влияют на благоприятное развитие социума в целом и отдельных его элементов. Отсутствие стабильности приводит, как правило, к нарушению баланса сил и тенденций в функционировании. В этом случае проявляются процессы дисфункциональности, которые приводят к деформации сложившихся форм социального бытия, в частности, к возникновению социальной напряженности. Знание факторов, влияющих на динамичность общества, например, на характер социальной мобильности, можно максимально точно оценить сложившуюся ситуацию, а в дальнейшем принять действенные меры по повышению эффективности основных элементов социальной системы, вернув темпам его функционирования стабильный характер. В связи с этим видится важной задача выявления факторов социальной мобильности.

Кроме указанных выше условий для проявления мобильности индивида существенным моментом является изменение в структуре его ценностей. Если говорить о масштабе социальной группы или экономически активного населения или даже общества в целом, то необходимы перемены ценностной структуры в менталитете российского общества. Вместе с тем, необходимо учитывать, что ценности как базисные жизненные нормативные установки личности могут, как способствовать проявлению способности индивида к высокой мобильности, так и выступать тормозящим фактором.

Библиография

1. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 373.
2. Сорокин П.А. Социальная мобильность. М.: Academia, 2005 (Sorokin P.A. Social mobility. N.Y.; L.: Harper & Brothers, 1927).
3. Lipset, Seymour Martin; Bendix, Reinhard. Social mobility in industrial societies. – California Press, 1959. – 309 p.
4. Zetterberg H.L. Traditioner och möjligheter i nordisk sociologi // Sociologisk Forskning. 2013. Vol. 50. No. 3–4.
5. Голдторп Д. Социальная мобильность и социальные интересы. Перевод с англ. О. В. Лукши // Goldthorpe J.H. Social Mobility and Class Structure in Modern Britain. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1987. – P. 1–37.
6. Blau P.M., Duncan O.D. The American Occupational Structure, New York : Wiley, 1967. 520 p.; Harry, B.G. Ganzeboom, Donald J. Treiman, Wout C. Ultee. Comparative

- Intergenerational Stratification Research: Three Generations & Beyond // Annual Reviews of Sociology. – 1991. – N17. – P. 277-302.
7. Erikson R., Goldthorpe J. National variation in social fluidity // CASMIN project working paper. – №9. – 1986.
 8. Heath A. Social Mobility. London: Fontana Paperbacks, 1981. P. 303.
 9. Inglehart R.F. Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006, West European Politics, 2008, № 1-2, pp. 130-146.
 10. Пиренн А. Средневековые города Бельгии. СПб.: Евразия, 2001. – 512 с.
 11. Февр Люсьен. Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – 632 с. («Памятники исторической мысли»)
 12. Вениге Ю., Йожа Е., Дьетвай Л. Структура и мобильность рабочей силы. М.: «Экономика», 1978. – 197 с.
 13. Оскарсон Б. Базовые навыки как интегрирующий фактор учебного плана // В кн. «Оценка качества профессионального образования: Офис проекта ДЕЛФИ, Москва, май 2001 / Под общ. ред. В.И. Байденко, Джерри ван Зантворт. – Москва: Исслед. центр проблем качества подгот. специалистов, 2001. – 186 с.; Simon Shaw. Development of Core Skills training in the Partner Countries. Final Report for the ETF Advisory Forum Sub-Group D. Turin, European Training Foundation, 1998. P. 64.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Известны слова Р. Киплинга о том, что «Восток есть Восток, Запад есть Запад», но вместе с тем одним из объединяющих факторов двух макрорегионов мира выступает социальная мобильность. И действительно, хотя Индия долгое время славилась кастовой системой, в соседнем Китае нередко были случаи, когда простой крестьянин оказывался на вершине власти. Известно, что именно наш соотечественник П.А. Сорокин стал автором теории социальной мобильности, но помимо него за прошедший двадцатый век выдвинул множество аспектов дальнейшего его развития. В современных российских условиях представляется важным обратиться к изучению опыт зарубежных исследований по теории социальной мобильности.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является развитие теоретико-методологических подходов к исследованию социальной мобильности в зарубежной социологии. Автор ставит своими задачами проанализировать основные направления зарубежных исследований к проблеме социальной мобильности населения, рассмотреть историографические и хрестоматийные материалы.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает структурно-функциональный подход, который позволяет выделить содержание и особенности разных точек зрения.

Научная новизна статьи определяется самой постановкой темы: автор стремится охарактеризовать теоретико-методологические подходы к социальной мобильности, которые выработали зарубежные социологи.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя 14 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является

привлечение зарубежных материалов, в том числе на английском языке, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором источников отметим прежде всего труды самого П.А. Сорокина, раскрывающие теорию социальной мобильности. Из используемых исследования укажем на труды Р. Инглхарта, Ю. Вениге, Е. Йожа, Л. Дьетваи и др. социологов. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как теорией социальной мобильности, в целом, так и ее развитием в трудах зарубежных социологов, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «упрощенная методология анализа мобильности была нужна Сорокину П., прежде всего, для того, чтобы обосновать концепцию двух обществ – мобильного и иммобильного». Автор обращает внимание на то, что «С. Липсет совместно с известным шведским социологом, специалистом в области изучения общественных процессов и публицистом Г. Зеттербергом» «обратили внимание не только на позитивные следствия изучаемой мобильности, но и на негативные: случаи отчуждения от привычных социальных групп; сложные и тягостные психологические переживания, сопровождающие мобильность, так как перемещения часто являются только частичными, а повышение статуса происходит лишь в узкой области - профессиональной, экономической или политической, и т.д.» В работе показано, что «если мобильность как перемещение изучается достаточно интенсивно и широко, то мобильность как способность и готовность к ней являются менее изученной темой».

Главным выводом статьи является то, что «знание факторов, влияющих на динамичность общества, например, на характер социальной мобильности, можно максимально точно оценить сложившуюся ситуацию, а в дальнейшем принять действенные меры по повышению эффективности основных элементов социальной системы, вернув темпам его функционирования стабильный характер».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках формирования подходов к изучению российского общества.

К статье есть отдельные замечания: так, вопреки принятым нормам автор упорно пишет в тексте «Сорокин П.», имеются небрежности в оформлении библиографии.

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Социодинамика».